

ЗА СЕЛЕЗНЯМИ

(КАК ХОРОШО ВСЕ МОГЛО БЫ БЫТЬ!)

«... А я еще колебался между чистой математикой, к которой чувствовал большое тяготение, и революцией, которая постепенно овладевала мною ...»

Л.Д.Троцкий. « Моя жизнь »

Мы с Львом Давидовичем сидели в шалашах на утиной охоте. Едва светало. Привез нас сюда егерь- Иван Васильевич Зайцев-старый приятель Льва Давидовича, потомственный утятник. Из деревни Калошино, что на реке Дубне, мы выехали на долбленном челне Ивана Васильевича в полночь, чтобы успеть к рассвету засечь в шалашах. С собой мы прихватили двух подсадных уток, призванных приманивать селезней. Река Дубна здесь дает большие разливы : болота, озера и мелкие плесы, обрамленные камышами, тянутся широкой лентой без малого верст на сорок. Иван Васильевич довез нас до места и уехал, обещав вернуться за нами утром.

Местность эта зовется Заболотье и, как намекает самое имя ее, богата болотной дичью. Лев Давидович рассказывал, что в удачные охоты они с Иваном Васильевичем привозили десяток или полтора десятка уток и селезней.

Однако, сегодняшнее утро не обещало быть столь удачным. Ночью моросил дождичек, и селезни не спешили подниматься на крыло и

делать облет своих владений, в расчете найти подходящую подругу. Наши подсадные утки тоже не проявляли особого энтузиазма и как будто дремали, лишь изредка оживляясь и побрякивая.

Мне нечасто предоставлялась возможность поболтать с Львом Давидовичем, и поскольку селезни не летели, я вылез из « засидки » , сделал несколько шагов и подсел к его шалашу. Ему тоже, видимо, надоело это бестолковое сиденье, и он, держа ружье на коленях, высунулся из шалаша.

- Не подлетают?

- Да, что -то никак. Причем, ваша утка еще немного побрякивает, а моя совсем скисла.

- А вы знаете, Лев Давидович, я много раз замечал, что кряканье и подлет селезней напрямую не связаны. Иная утка , не переставая крякает всю зорю, а селезни летят к другой, которая сидит молчком. Как это объяснить?

- Не знаю. Видимо, зависит от того, что она там крякает.

- Да наверно

Помолчали.

- Лев Давидович, я вас давно хочу спросить, почему вы взяли псевдоним Троцкий ? Это было с чем- то связано?

- Ну, это было связано с тем, что в молодости я же увлекался революцией, а революционеры все брали псевдонимы...по понятным причинам. А почему Троцкий?...Что-то в этом звучании мне понравилось. Я вписал его наудачу в паспорт во время своего побега из ссылки, не предвидя, что оно станет моим именем на всю жизнь.... Ведь вот вы, литераторы, когда даете имена и фамилии своим персонажам, на что вы ориентируетесь? Видимо, это какой-то подсознательный выбор. И иногда он бывает очень точным;

кажется, того или иного героя иначе и не назовешь... У меня были и другие псевдонимы, но этот как-то пришелся мне по душе. А вам не нравится?

- Нет, нет. Мне наоборот кажется, что ваше подсознание, как вы сказали, сделало очень правильный выбор, хотя в чем здесь дело я тоже не смогу объяснить....Другой вопрос, если позволите? А почему вы отошли от этой революционной деятельности? То есть, конечно, Слава Богу, что отошли, но почему? Были на то какие то специальные причины или интерес к математике все-таки взял верх?

Лев Давидович немного задумался.

- Вы знаете, я всегда находился под влиянием прочитанных книг...А читал я всегда очень много. Да, так вот когда я впервые прочел «Капитал», он произвел на меня потрясающее впечатление. Мне тогда показалось, что ничем, кроме революции, вообще, заниматься не имеет смысла...Ну а потом я увлекся романами Анатоля Франса, и они посеяли в моей душе скепсис...скепсис не только в отношении революции, а вообще скепсис. Революции же надо отдаться безраздельно, скепсис тут не подходит...Ну а к математике у меня всегда было сильное влечение.....Вот я и стал математиком.

- Великим математиком!

- Ну полно, полно...Вы лучше посмотрите, по-моему, ваша утка как-то насторожилась

Какое-то время мы сидели молча. Утка снова начала вяло побрякивать.

- Наверно, вы правильно сделали, что взяли псевдоним, а то простые люди начали бы путать великих математиков: Бронштейн,

Эйнштейн...

- Ну это меня, честно говоря, мало заботило... Кстати, Эйнштейн совсем не математик- он физик, философ...

- Ну я уж в этом совсем ничего не понимаю. Вот, лес, болото, охота... литература: в этом я еще что-то смыслю, а ваша эта математика для меня всегда была...тоже лес, только темный.

-Кстати, Арсений Александрович - насчет леса...Как там эта ваша тяжба с соседом закончилась? Ведь он хотел оттягать у вас рощу или поле, я что-то уж забыл?

- И рощу, и поле... Да как закончилась? Никак. Такой, знаете, русский вариант. Сосед этот заявил свои притязания, совершенно, кстати, необоснованные, испортил со мной отношения, пригрозил подать в суд и тем ограничился. Ну он ничего не делает, и я, естественно, тоже... Но, конечно в какой-то момент он может активизироваться и тогда надо будет что-то предпринимать.

- Я рекомендую вам поговорить с Ульяновым. Он наверняка что-нибудь дельное посоветует.

- Кто такой Ульянов ?

- Ульянов- это один мой приятель -первоклассный адвокат; да я думаю, вы его здесь встречали. Он к Ивану Васильевичу несколько раз приезжал

- Такой маленький, лысенький с раскосыми глазками?

- Да, да- это он.

- Тоже охотник?

- Страстный. До сих пор не может забыть, как промазал на облаве по лисице с 25 шагов.

- Подумать только! А на вид такой миролюбивый

- Это пока не доходит до дела. Вы бы посмотрели на него, когда он

на трибуне. О, это надо видеть! Совершенно преображается: такая яркая речь, такие властные жесты. Трудно ему противостоять.

Рассказывают, что в самом начале адвокатской карьеры он вел дело против какого-то купца, незаконно монополизировавшего переправу через Волгу в районе Сызрани. Причем, купец был очень известный, а он в то время- никто. Но разница состояла в том, что купец законов толком не знал, а Ульянов – знал прекрасно... Да, так в результате он не просто это дело выиграл, но еще и засадил купца за решетку... Так что миролюбивый-то миролюбивый, но своего добиваться умеет как никто..

- Скажите, вот бы не подумал... Он что, тоже увлекался революционной деятельностью?

- Нет, насколько я знаю, никогда. С него хватило и того, что его брата казнили за эту самую деятельность.

- Казнили ?!

- Ну да. Это - семейная трагедия... Отец- инспектор учебных заведений- законопослушнейший религиозный человек; мать- милейшее интеллигентное существо. Ее отец... не помню его изначального имени, крестившись, стал Александром Дмитриевичем, взяв отчеством имя своего приемника- какого-то, сенатора. То есть, такая вот, абсолютно лояльная, добропорядочная семья.... И вдруг, старший сын, названный , видимо, в честь деда Александром, поступает в Петербургский университет, связывается с этими головорезами- народовольцами и участвует, ни много ни мало, в подготовке покушения на царя. ...Ну с покушением ничего не вышло, но для Александра все это кончилось печально... И мать, видимо, была очень перепугана, что Владимир, который брата боготворил, станет на ту же стезю. Но...он мне сам это говорил,

сказал ей твердо, чтобы за него не беспокоилась, сказал буквально следующее: «Мы пойдем другим путем», то есть путем закона...И, прямо скажем, очень на этом пути преуспел- стал первоклассным юристом... Так что, возвращаясь к нашему разговору, очень рекомендую с ним посоветоваться.

В следующий момент мы оба вздрогнули, услышав характерный звук «шквак, шквак», и я увидел, что рядом с уткой Льва Давидовича плавают селезень. Заболтавшись, мы пропустили его подлет. Лев Давидович вскинул ружье, но утка загоразивала селезня, и, выстрелив, он мог попасть в нее. Он начал было привставать, чтобы лучше прицелиться, но селезень, почувствовав недоброе, не стал ждать развязки и, поднявшись, быстро исчез в предутреннем полумраке. Лев Давидович отсалютовал ему дуплетом и, повернувшись ко мне, развел руками.

- Да, либо охотиться, либо лясы точить.

Я почувствовал себя неудобно и вернулся в свой шалаш.

...С полчаса мы сидели молча. Уже начало хорошо светать и я, по правде говоря, стал придремывать, когда увидел, что Лев Давыдович вылезает из шалаша, потягивается и направляется ко мне. Он присел на землю, подложив под себя одну из подстилок, которыми нас предусмотрительно снабдил егерь.

- Не помешаю ?

- Конечно, нет.

- Я думаю, что на сегодняшнее утро охота закончена. Этот селезень наверное уже растрепал всей округе, что у нас тут засада.

- Похоже, что так.

- Арсений Александрович, давно хочу вас спросить: как поживает этот грузинский поэт, с которым вы меня познакомили на выставке

немецкого пейзажиста.

- Джугашвили ?

- Ну да.

- Не могу сказать, что мы встречаемся часто, но иногда у каких- ни будь общих знакомых мы видимся... По- моему все у него благополучно... Пописывает свои стишки... Я даже как- то пытался по его просьбе переводить их по подстрочнику.

- Ну и как ?

- Да не могу сказать, чтобы меня это очень вдохновило... Впрочем, ведь это известно- стихи нельзя переводить. По-русски все это звучит несколько банально: орлы парят над вершинами, всюду царит какой- то особый покой, все наполнено какими- то особыми запахами... ну это я конечно утрирую... вполне возможно, что по- грузински в этом есть свой колорит.

- Он произвел на меня вполне приятное впечатление: я люблю таких застенчивых, немногословных людей, может быть, потому что сам отношусь к совсем другому типу... А вам, я чувствую, он чем-то несимпатичен ?

- Да нет, нет- нисколько... но эти восточные люди... кто поймет, что кроется за их застенчивой, улыбочатой внешностью. Честно говоря, я был свидетелем двух- трех разговоров, которые меня несколько насторожили... А что до его немногословия , то думаю, оно объясняется еще и тем, что он по- русски –то изъясняется с трудом.

- Но по-немецки он видимо говорит хорошо ?

- С чего вы взяли ?

- Ну а как же он объясняется со своим этим немецким другом? Как , кстати, его фамилия?

- Гитлер.

- Да, да вспомнил... Что-то мне в этой фамилии чудится неприятное.
- Неприятное ? Почему?... Вы знаете, может быть неприятным фамилии этого рода делает наше огрубленное « Г ». По- немецки это звучит значительно мягче: Хайне, Хумбольт, Хитлер... А общаться, я думаю, им помогает какой-нибудь знающий языки знакомый. Я даже по- моему знаю фамилию этого переводчика... Павлов, если не ошибаюсь... Но, честно говоря, я что-то и не замечал, чтобы они много разговаривали. В основном, по- моему улыбаются и похлопывают друг друга по плечу.
- Что же их связывает?
- Взаимная симпатия. А это, знаете, такая загадочная вещь: не всегда можно понять, откуда она берется и куда исчезает... Вообще, эти волны притяжения и отталкивания, наверное, все время движутся в природе, а, может, даже и в космосе.
- Взять хотя бы молчащую утку и устремляющегося к ней селезня. Вы это имеете в виду?
- Ха-ха-ха. Да, это вы нашли хороший пример... Возвращаясь же к Гитлеру и Джугашвили, я думаю, что не последнюю роль в их взаимной симпатии играют горы.
- А, ну да, ведь Джугашвили горец, а на выставке Хитлера тоже преобладали горные пейзажи, насколько я помню.
- Да, он большой любитель гор. Облюбовал себе одно местечко неподалеку от Берхтезгадена в Баварских Альпах и купил там себе домик, дав ему романтическое название « Горный двор »...
- Горный двор?
- Ой простите, забыл с кем разговариваю и автоматически перевожу. Berghof. Постоянно там живет со своей подругой- Евой Браун. К ним туда приезжают самые разные люди- его друзья:

летчик Геринг, журналист Геббельс, дипломат Риббентроп, философ Розенберг...я там был пару раз. У них такой очень гостеприимный открытый дом...

- А как вам нравятся его работы?

- Да, вы знаете, можно сказать- нравятся...

- Хотя...

- Хотя...Мне кажется, что он еще не вполне обрел свой стиль. Тем не менее, некоторые работы- просто восхитительны...Ну вы, наверно, помните эту картину, где туман ложится на долину...

- Да, да. Я обратил на нее внимание.

- Вот. А в других вещах чувствуется еще некое ученичество. Видны чьи- то влияния...Ну например, того же Якоба Рейсдаля или еще чьи-то...Но, вы знаете, меня это не раздражает. Наоборот как-то приближает к самому процессу творчества, чувствуешь себя как бы в мастерской...Вы понимаете о чем я говорю?

- Да вполне. И понимаю, и разделяю.

- Ну вот и славно.

- А что Гитлер или Хитлер- это его настоящая фамилия или тоже какой- ни будь псевдоним?

- Настоящая, настоящая...Тут целая история, которую Адольф с удовольствием рассказывает...Ведь он же из совсем простых. Кстати, так же как и Джугашвили...Его дед был мельник, а отец какой- то мелкий таможенный служащий...Так вот этот мельник- Хитлер женился на женщине по фамилии Шикельгрубер, у которой уже был сын- Алоис- отец Адольфа. Был ли Алоис сыном мельника или нет- неясно, но мельник длительное время его не усыновлял, и он рос как Шикельгрубер. И только, когда мельник был очень стар, а жена его уже умерла, он решил узаконить Алоиса, и тот стал

Хитлером....Так что, Адольф родился (а он был третьем ребенком от третьего брака Алоиса) уже полноценным Хитлером. Смешно сказать, но сам Адольф всерьез видит в этом некое вмешательство providения. Он говорил мне:

« Хорош бы я был художник с фамилией Шикельгрубер »...Я не настолько знаю немецкий, но, кажется, в этой фамилии есть что-то смешное....То ли дело художник- Адольф Гитлер!.... Так что, как видите, ему его фамилия совсем не кажется неприятной, а, наоборот, он ею гордится.

- Ну так, так- так. Я ничего не имею против, тем более, что он произвел на меня вполне приятное впечатление. В нем есть какой- то Австрийский шарм.

- Ну я не знаю, что вы под этим понимаете, но, что мне в нем явно импонирует, так это то, что, скажем, в отличие от Джугашвили, он- прямой человек: что думает, то и говорит, хотя...то, что он говорит, далеко не всегда всем по душе....И мне, в частности.

- Например ?

- Ну, например, мне не хочется это говорить, едва ли вам будет это приятно услышать, он- жуткий антисемит, и нисколько это не скрывает.

- Да, конечно, это не то качество, которое я имел в виду, говоря про австрийский шарм, но...что поделаешь, среди немцев это случается. Взять, того же Ницше...

- Кстати, он большой поклонник философии Ницше...Но, к чести Адольфа надо сказать, что весь его антисемитизм- это чистой воды теория. На самом же деле, он ни то, что еврея, а комара пальцем не тронет и первый же бросится защищать....Я, например, приглашал его несколько раз приехать в Россию поохотиться, так он

категорически отказался, мотивируя тем, что не может видеть как убивают живое существо.

- Да, так многие говорят, уплетая телятину под соусом.

- Ну здесь Адольф вполне последователен: он- вегетарианец.

- А , ну тогда- еще куда ни шло. Нам –то с вами все равно своих грехов не отмыть.

- Ну, как сказать, если взять сегодняшнюю охоту...которая, кстати говоря, по- моему кончается поскольку, если не ошибаюсь, к нам уже подгребают наш Иван Васильевич. .

Егерь действительно приближался к нам....

- Так, а где же трофей ? – спросил он, подходя к нам, прихрамывая, - Я отчетливо слышал дуплет. И, судя по звуку, это вы стреляли, Лев Давидович..

- Да, это я стрелял. Только... мы тут немного заболтались и не заметили, когда селезень подлетел. А было еще довольно темно.

Пока он сидел на воде, мне было неудобно стрелять, а когда поднялся, то сразу слился с лесом. Так что я стрелял почти наугад.

- Понятно. Поискать не стоит ? Может, упал где- ни будь ?

- Да нет, это- маловероятно.

- Ну ладно- пусть живет. Авось, не последнее утро...Ваша- то утка, Арсений Александрович, крикает очень даже неплохо

- Да крикает –то она неплохо, только селезень- то почему-то подлетел не к ней.

Мы поделились с егерем мыслями о том, что криканье само по себе еще не определяет, к какой утке подлетит селезень. Он выразил на этот счет некоторое сомнение.... И в этот самый момент, как бы в подтверждение наших рассуждений, красавец- кряковой селезень, взявшийся как- бы ниоткуда, спланировал прямо к молчащей утке

Льва Давидовича... До чего же хорош он был в своем весеннем наряде: голова сизая, грудь темно-коричневая, а спина серая с зеркальцем на крыле... Он, видимо, сразу заметил нас и, едва коснувшись воды, начал быстро улетать в направлении леса. Я вскинул ружье, но стрелять было неудобно, поскольку оба мои компаньона, стоя ближе к реке, загораживали от меня мишень. Но я был потрясен тем, что Лев Давидович, который стоял прямо на берегу реки, даже не потрудился поднять ружье, и, улыбаясь, смотрел на улетающую дичь.

- Лев Давидович! – воскликнул егерь. - Что с вами? Почему не стреляли?

Лев Давидович перевел на него улыбку.

- А зачем?

- Как зачем? Как зачем!? Вы сюда пришли на селезней охотиться или...

Он, видимо, хотел сказать что-то крепкое, но сдержался.

Лев Давидович посмотрел на него, хорошо мне знакомым, твердым взглядом, означавшим, что он готов дать четкую отповедь не в меру разволновавшемуся собеседнику.

- Вы совершенно правы- мы пришли сюда охотиться на селезней. Но что такое- охота на селезней? Дайте определение.

Егерь немного растерялся, но в то же время вспомнил с кем он имеет дело и заулыбался несколько подобострастно.

- Ну конечно, для вас- математиков, главное- определение.

- Нет, математика тут не при чем. Тут дело в настроении, в атмосфере....Для меня, по крайней мере, охота на селезней это- сумерки, это- сиденье в шалаше в неудобной позе с ружьем на коленях, это- шум крыльев, это- замиранье сердца...А сейчас, это

что же такое? Мы стоим, болтаем, кругом светло...подлетает красивая птица. Ну с какой стати, скажите, я вдруг буду в нее стрелять!?

Егерь замахал руками

- Ох уж эти мне столичные охотники ! Ни за что им не угодишь: то слишком темно, то слишком светло, то утка не крикает, то крикает не то, что нужно...Ну раз так, поедемте- ка лучше домой. Там у меня уже самовар кипит, и жена еще с вечера пирог с капустой испекла. А утки пусть поплавают, я их потом заберу. Отдохнете маленько, ну а уж потом...как решите.

Мы еще раз с наслаждением взглянули на полоску реки, на плавающих уток, на прибрежные камыши, на лес на другой стороне реки и, повернувшись, зашагали к лодке навстречу восходящему солнцу.

ФАКТЫ И ИСТОЧНИКИ

Лев Давидович Троцкий охотился на уток и селезней на реке Дубне в районе села Калошино (Александровский уезд, Владимирская губ.) Егерем был И.В. Зайцев. Л.Троцкий « Моя жизнь », Москва, «Панорама », 1991.

Владимир Ильич Ленин приезжал на охоту к И.В.Зайцеву весной 1920 г. Источник тот же, что и для Л.Д. Троцкого. Факты генеалогии и биографии взяты из книги М.Г. Штейна « Ульяновы и Ленины.

Семейные тайны » (Серия « Тайны великих », СПб, Издательский дом « Нева », 2004) и книги Роберта Пейне « Жизнь и смерть Ленина ». (Robert Payne, “ The life and death of Lenin “, Pan Books LTD: London, 1964).

Адольф Гитлер. Факты его генеалогии и биографии взяты из книги Вильяма Ширера « Подъем и падение третьего рейха » (William L. Shirer, “The rise and fall of the third rich “, Simon and Schuster, New York, 1960).

Иосиф Виссарионович Сталин в молодости писал стихи по-грузински. В зрелые годы захотел, чтобы они были переведены на русский, но затем передумал.

А. А. Тарковский- личное сообщение.